

Андрей Зарин

# Потеря чести. Трагическая история



# Андрей Ефимович Зарин

## Потеря чести.

### Трагическая история

*Текст предоставлен правообладателем*  
[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=2371155](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2371155)

#### **Аннотация**

Действие рассказа происходит в начале века. Перед читателем проходит череда подозреваемых, многие из которых были врагами убитого. События в рассказе развиваются так, что одно преступление, как по цепочке, тянет за собой другое. Но нетерпеливого читателя в конце рассказа ждет необычная развязка. Главное действующее лицо рассказа – это талантливый и бесхитростный сыщик Патмосов Алексей Романович, который мастерски расследует невероятно запутанные дела. Прототипом этому персонажу, видимо, послужил светило петербургского сыска – знаменитый Путилин

# Содержание

I	4
II	8
III	12
IV	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

# Андрей Ефимович Зарин

## Потеря чести.

### Трагическая история

#### I

Алексей Романович Патмосов благоденствовал. Семья только что позавтракала, и Алексей Романович пил свою чашку кофе, величиною с маленькую миску, и читал газеты.

Этот комфорт, это маленькое благосостояние досталось Патмосову далеко не легко. В течение вот уже двадцати пяти лет он работал на пользу общества, и в частности для отдельных лиц, с опасностью для жизни, в постоянном напряжении, в постоянной борьбе с самим олицетворением зла.

Патмосов известен всем, кому нужны его услуги, как частный сыщик. Скромный и честный, он знал не одну семейную тайну, вверенную ему. Изобретательный и находчивый до гениальности, смелый, решительный и сильный, он раскрыл в своей жизни сотни преступлений, настиг и предал в руки правосудия сотни преступников, и рассказы о его делах не менее занимательны, чем рассказы о подвигах фантастического Шерлока Холмса.

Теперь Патмосову уже 57 лет и он берется за дело только

по особенной просьбе, но каждое взятое им дело он доводит до конца, увеличивая свою славу среди сведущих об его делах людей.

Даже наша образцовая сыскная полиция при каждом запутанном деле обращается к нему если не за содействием, то за советом.

Патмосов допивал последний глоток кофе, когда вошла прислуга и подала ему визитную карточку.

– Желают вас видеть!

– Попроси в кабинет! Патмосов взял карточку и прочел:

– «Андрей Федорович Колычев».

– Кто это? По делу? – спросила жена со свойственным женщинам любопытством.

– Вероятно, – ответил Патмосов, застегивая и одергивая свой домашний пиджак, – если это тот самый Колычев, то, можно сказать, фигура!

Небольшая комната кабинета, устланная ковром, с тяжелыми драпировками на дверях, имела характер и делового бюро, и уютного уголка. В простенке стоял американский стол с опускающейся доской, рабочий табурет и буквое кресло. По углам два высоких, узких дубовых шкафа, которые Патмосов звал своим «архивом»; вдоль одной из стен стояла широкая оттоманка, а напротив – диван, стол, мягкие кресла, в углу, против печки, шахматный стол, над которым висел телефон.

Все четыре стены комнаты были увешаны портретами

негодяев и преступников, пойманных и обличенных им, спасенных им жертв, благодарных клиентов и снимками картин преступлений.

Патмосов с любовью сортировал их, и на каждой стене развешаны были фотографии своей категории.

Когда он вошел в кабинет, гость его рассматривал фотографии, висящие над диваном.

Он быстро обернулся и протянул руку Патмосову.

– Слышал от людей, что не отказываете в помощи ближнему, и приехал к вам!

Это был высокий, плотный господин, лет шестидесяти пяти на вид, с седой, окладистой бородой, с сановитой осанкой человека, сознающего свое достоинство.

– Чем могу служить, всегда готов, – добродушно ответил Патмосов, – садитесь, пожалуйста. Послушаем!

Колычев опустил в кресло и еще раз взглянул на стену.

– Однако у вас коллекция! – сказал он. – И чисто ангельские и исполненные благородства лица – и тут же бритые головы и зверские физиономии. Скажите, это все преступники?

Патмосов улыбнулся.

– Мною обличенные и схваченные. Здесь много интересного для физиономиста! – Он оживился и с юношеским порывом подошел к портретам. – Вот женщина с лицом кроткой голубицы. Она заманивала к себе богатых людей и помогала убивать их. Я поймал ее на шестом! А вот этот соблаз-

нял девушек и вел ими торговлю. Это просто убийца, а вот – благородное лицо, львиная шевелюра – это мой друг Санин, известный художник, который стал убийцей в запальчивости. А этот...

Тут Патмосов оборвал свою речь и добродушно засмеялся.

– Я-то разболтался, а вы по делу! Простите, пожалуйста! – сказал он и сел против Колычева с готовностью слушать. – Ну – с, теперь вы рассказывайте!

Колычев закурил папиросу и озабоченно оглянулся.

– Будьте покойны! – успокоил его Патмосов. – Мы как в башне. Двойные двери, портьеры, а здесь, – он указал на открытую дверь налево, – моя уборная и спальня.

Колычев кивнул, выпустил струю дыма и, видимо затрудняясь, с чего начать, сказал:

– Я уж с вами с полной откровенностью...

– Не иначе, – улыбнулся Патмосов. Колычев вытер лицо платком и откашлялся.

## II

– Видите ли, – начал он, – вы меня, вероятно, знаете...

– Действительный статский советник, домовладелец, гласный думы, помещик, владелец химического завода, председатель съезда химических фабрикантов, директор акционерного общества по выделке...

– Довольно, довольно! – остановил Патмосова Колычев. – Вижу, что знаете. Так вот дальше.

Патмосов с улыбкою кивнул.

– Вероятно, вы также знаете и моего старшего сына, Михаила?

– Михаила Андреевича? Позвольте? Да! Директор Южного банка и член правления Общества освещения?

– Да, да! Однако у вас тут адрес – календарь, – Колычев указал на лоб.

– Нельзя без этого. И потом, просто развивается память.

– Вы облегчаете мне мою задачу. Видите ли, – заговорил озабоченно Колычев и придвинулся к Патмосову, – меня начинает тревожить этот самый Михаил Андреевич.

Патмосов окаменел. Когда ему приходилось выслушивать подробности дела или исповедь, он овладевал собою настолько, что ни одним движением не выдавал ни своих мыслей, ни своих чувств.

Колычев продолжал, видимо волнуясь.

– Да, тревожит! Тревожит его поведение, его состояние. Стороной я слышал, что он играет очень крупно и несчастливо. У него есть средства. Я не говорю! Играть он может! Но вы знаете – для игры нет богатства. Игра все сожрет, как хорошая печь дрова! И он меня начинает очень тревожить. Очень! Вы понимаете, он не ребенок. Ему уже тридцать восемь лет, и у него взрослые дети. Я ему намекал, но не больше. Говорил со снохою, но та что же может? Вы понимаете, – повторил он в третий раз и встал от волнения, – я боюсь растрат. Боюсь позора. Для него, для меня, для нас!

Он тяжело перевел дух и нервно прошел по комнате. Потом остановился против Патмосова.

– Вот я вверил вам, так сказать, нашу честь. Помогите!

Патмосов помолчал, потом спросил:

– Какой же помощи вы от меня ждете?

– Я ожидал этого вопроса, – сказал Колычев. – Вот какой!

Во – первых, вы постараетесь узнать о размерах его проигрыша и степени запутанности его дел. Во – вторых, вы посмотрите за ним. Может, он окружен шулерами. В – третьих, быть может, вы найдете возможность... остановить его... нет, я не то хотел сказать... Предупредить катастрофу, – окончил он почти шепотом и прибавил: – За вознаграждением я не постою. Если потребуются особые расходы, тоже...

Патмосов промолчал, словно не слышал последних слов Колычева. Он сидел теперь опустив голову и полузакрыв глаза. В голове его созрел план исполнения этой задачи, и в

то же время он думал о бессонных ночах, которые предстоят ему, и колебался.

Колычев инстинктом заинтересованного проник в мысли Патмосова.

– Именем отца заклинаю вас не отказываться! – воскликнул он.

Здесь произошло что-то странное. Патмосов поднял голову и вдруг увидел словно тень, на мгновение покрывшую Колычева. Патмосов вздрогнул и глухо сказал:

– Мое вмешательство не принесет пользы.

– Но оно мне даст хотя знание! Я вовремя сумею принять крайние меры! Не отказывайтесь!

– Хорошо! – просто ответил Патмосов. – Каким путем мне сноситься с вами?

– Лучше всего телефон, а затем лично. Утром – фабрика, днем – правление и съезд, вечером – дома. Я почти всегда дома. Знаменская, семнадцать.

Патмосов кивнул.

– Итак, вы взялись, – облегченно вздохнул Колычев, протягивая Патмосову руку, – теперь я могу спокойно заниматься своими делами. До свидания!

Патмосов пожал ему руку и проводил его в переднюю.

Когда он вернулся в кабинет, он увидел на столе чек на пятьсот рублей, на предъявителя.

«Отчего томит меня злое предчувствие?» – мелькнуло в голове Патмосова, но он тотчас прогнал эту мысль и подошел

к телефону.

– Алло! Барышня, дайте мне номер 27–035! Готово! Благодарю! Алло! Кто говорит? Это ты! Здравствуй, Сеня! Слушай, голубчик, ты мне нужен. Вот что. Узнай немедленно, что говорят про Колычева, Михаила Андреевича. Не забудь имя. Это мне. Запиши! А потом, в каких клубах он играет в карты. Сегодня же утром! Потом приедешь ко мне, к девяти часам, и все расскажешь. Ну, до свиданья!

Он повесил трубку и дал отбой.

### III

Семен Сергеевич Пафнутьев был ближайшим помощником Патмосова, помощником, в способности которого Патмосов сильно верил и на которого мог положиться, знал, что он не продаст и не предаст.

К вечернему чаю, как раз к тому времени, когда просыпался Патмосов после послеобеденного сна, Пафнутьев уже сидел в столовой и занимал веселой болтовней всех сидящих за чайным столом.

Хозяин тотчас увел его к себе в кабинет.

– Многого сказать не могу. Начну с конца, – сказал Пафнутьев. – Колычев играет везде, но главным образом в железнодорожном и купеческом. У вас есть туда вход?

– У меня вход всюду.

– А то бы я мог достать... Играл и в «Петровском», понятно, за золотым. И везде несчастливо. Проигрывает по многу. Один раз прометал двенадцать тысяч. Я тогда выиграл тысячи полторы... Говорят, он добрый семьянин. Говорят, отличный начальник, которого все любят. Говорят, что проиграл он очень много, и теперь дела его позапутались. Но это все уже надо узнать подробнее от служащих. На это время надо...

– Даю тебе сроку три дня, – сказал Патмосов.

– Отлично! И, наконец, он сегодня играет в железнодо-

рожном! Вот и все!

Пафнутьев принялся за чай.

– Немного, а все-таки спасибо! – сказал Патмосов. – Теперь слушай. Сегодня был у меня его отец...

И Патмосов рассказал все об этом посещении, о просьбе отца и о своем согласии.

– Ты мой помощник. На этот раз твое порочное увлечение картами пригodiлось. Надеюсь, никто не знает о твоём занятии?

– Что вы? Разве я дурачок?

– То-то! Сегодня мы поедем вместе, ты укажешь мне Колычева и будешь моим чичероне!

– Превосходно! Но вас-то знает пол – Петербурга!

– Милый! Для этого есть грим и накладные волосы. Я буду крымским помещиком, собирающимся торговать сушеными фруктами, Яковом Павловичем Абрамовым. Запомни! У меня есть такие визитные карточки.

Патмосов прошел в свою уборную, где, открыв электричество, сел к туалетному столу и стал раскладывать все принадлежности и приспособления для грима.

– Чувствую, чувствую, что бесполезен, а отказать не мог, – бормотал он вполголоса, наводя себе брови и делая морщины...

## IV

Был двенадцатый час ночи, когда Пафнутьев с крымским помещиком, Абрамовым, входил в подъезд железнодорожного клуба, где в то время велась едва ли не самая крупная игра.

Характерная черта в хронике клубов: крупная игра переходит из одного клуба в другой, как заразная болезнь, как чума. Вдруг объявится в одном, и туда почему-то устремится и крупный, и мелкий игрок, а другие клубы на время обращаются в места пустынные. Потом, так же вдруг, в этом клубе игра упадет, игроки исчезают и появляются в другом клубе.

Только купеческий клуб держится в этом отношении неизменно, и игра в нем всегда крупная и ровная.

Пафнутьев и Абрамов сбросили шубы в швейцарской и направились в игорные залы.

Самый опытный наблюдатель не приметил бы на лице Абрамова следов грима, и близкий знакомый Патмосова не узнал бы его в этом господине с круглым брюшком, с седоватой бородкой, лихо закрученными усами, манерами отставного гусара и громким смехом.

– В прежнее время в банчишко резался, а этой игры не знаю, – громко говорил он, проходя маленькую комнату с мягкими диванами, на одном из которых уже спал проиграв-

шийся и с горя напившийся игрок.

Игра была в полном разгаре.

В большом зале и двух малых толпились игроки, то переходя от стола к столу, то облепив какой-нибудь стол, как мухи кусок сахара, то присаживаясь к столам, за которыми сидели те, которые метали банк, давали ответ и являлись центрами игры.

Бродившими были» мазчики», в большинстве или проигравшиеся уже, или имеющие очень маленькие деньги, хотя между ними встречаются и крупные игроки, признающие только понт.

У Патмосова в первое мгновение закружилась голова. Яркий свет сотен электрических ламп тускнел в облаках табачного дыма, который ел глаза и от которого першило в горле. Люди в отдалении казались теньями. Все смешивалось в общую кучу, и в этой атмосфере стоял непрерывный гул, который прорезывали отдельные, то хриплые, то звонкие, возгласы.

– Прием на первую! – кричали с одной стороны. – Двенадцать рублей, восемь рублей...

– Я покрыл!

– Банк покрыт!

– Ответ! – несло с другой стороны. – Делайте игру!

– Комплект! Два куша!

А карточники ходили от стола к столу и, покрывая общий шум, кричали:

– Место! Место свободное! Новый стол!

И в общем шуме смеха, крика, говора, грохота стульев и шарканья ног, как отдаленная мелодия, слышался звон серебра и золота.

– Ну, руководи! – сказал Патмосов Пафнутьеву. – Прежде всего, где этот Колычев?

– Вот он, – шепнул Пафнутьев, показывая на стол.

Изящно одетый в темный пиджак, с изумрудным перстнем на левой руке, с сигарой в дорогом мундштуке, он производил впечатление джентльмена.

Физиономия его сразу располагала в свою пользу. Широкий лоб, черные, густые брови, под ними светлые, умные, серые глаза, ровный нос, полные губы, русая бородка и матовый цвет лица.

Играл он с благородным спокойствием, ничем не выражая досады на проигрыш, хотя, видимо, проигрывал, судя по тому, что каждый раз вынимал деньги из-под большого серебряного портсигара, ставил их на стол и не получал назад.

Патмосов стал разглядывать других игроков.

Очередь метать дошла до Колычева. Он что-то сказал своему соседу, и тот, мгновенно оживившись, закричал:

– Ответ!

Вероятно, все знали метку Колычева, потому что у стола тотчас поднялась давка. Через плечо и голову Патмосова потянулись руки с деньгами. Кто-то попросил его поставить на крылья, кто-то в круг.

Патмосов, чтобы не казаться праздным зрителем, следом за другими бросил в круг три рубля.

Он уже понял, в чем состоит игра экарте, в которую тогда везде играли, и сразу усвоил систему ставок и расчетов.

Стол моментально покрылся деньгами.

Сосед приподнялся, чтобы сосчитать сумму ставок, но Колычев с небрежной улыбкой остановил его и сдал карты.

Два козыря; туз; король с десяткой, – и у Колычева всего двойка.

– Комплект!

За плечом Патмосова весело засмеялись.

– Две недели уже так!

– На его метке только и поправляюсь!

– Вчера, в купеческом, я на нем с трех рублей четыреста сделал! – услышал Патмосов голоса.

– Господа, берите деньги!

Патмосов получил три рубля выигрыша.

– Делайте игру!

Он оставил на столе шесть рублей и опять выиграл.

Колычев вынул бумажник и достал из него две бумажки по пятьсот рублей.

– Делайте игру! – раздался снова возглас после расчета, и Патмосов бросил все двенадцать рублей.

– Два куша!

Колычев бросил карты и снова полез в бумажник.

– Сделайте карты! – попросил он визави, и лицо его бы-

ло по – прежнему спокойно и мило, только улыбка сошла с полных губ.

И опять:

– Сделайте игру!

Комплект, два куша, куш и опять комплект!

Патмосову стало совестно. Его три рубля обратились уже в сто двадцать рублей, а Колычев продолжал раздавать и раздавать. Патмосов перестал играть.

Наконец, Колычев проиграл снова, удар, полез в бумажник, вынул из него две бумажки по двадцать пять рублей, полез в кошелек, достал из него на сто рублей золота; пошарил по карманам, набрал еще тридцать рублей и позвал карточника.

– Принеси из кассы тысячу, – сказал он и бросил карты.

– Не везет! – сказал ему отставной генерал.

– Две недели. Больше! – ответил Колычев.

Карточник принес деньги.

Колычев рассчитался, положил в карман оставшиеся деньги и встал.

– Довольно! – и он пошел от стола.

Патмосов тотчас двинулся следом за ним, с рассеянным видом смотря по сторонам.

Вдруг он насторожился. К Колычеву подошел франтоватый господин и, поздоровавшись с ним, спросил:

– Вы куда? Домой?

– Домой, – ответил Колычев.

- Поедем в ресторан. У меня есть к вам серьезное дело.
- Ночью, в ресторан?
- Такое дело везде обделать можно! – смеясь, ответил тип.
- Что же, поедем! – согласился Колычев. – Куда?

Подошедший назвал лучший ресторан, и они направились

к выходу.

Патмосов оглянулся. К нему тотчас подоспел Пафнутьев.

– Ужинать?

– Ужинай ты один. Я уеду. Разузнай же побольше о Колычеве, буду ждать, а теперь мне надо!

Он кивнул удивленному Пафнутьеву и быстро прошел в прихожую.

Выйдя на улицу, он тотчас сел в сани и велел гнать в названный ресторан.

Лихач пронес его по Невскому стрелюю.

Патмосов сбросил шубу, поднялся наверх и прямо к управляющему.

Тот почтительно пригнулся.

– Не узнал, – засмеялся Патмосов и тихо сказал: – Это я, Патмосов!

Управляющий откачнулся с изумлением, а потом расцвел:

– Уж и искусник вы, Алексей Романович!

– Дело у меня. Вот что, дорогой! Я займу у вас тот кабинет, знаете?

Управляющий кивнул.

– А вы, как войдет сюда Колычев с одним господином...

Знаете Колычева?

– Михаила Андреевича? Как же – с!

– Ну, так вы их в соседнем устройте. Поняли?

– Отлично, понял, будьте покойны.

– Так я иду!

Патмосов расположился в знакомом ему кабинете, из которого можно было наблюдать, что делается в соседнем, и спросил себе ужин.

Почти следом за ним соседний кабинет занял Колычев с своим знакомым.

Официант подал Патмосову ужин и скрылся.

Патмосов осторожно отодвинул известную только ему за-слонку в стене и пристроился к ней.

Через нее нельзя было видеть сидящих в кабинете, но слышно было каждое слово.

Знакомый Колычева рассказывал анекдоты и острил.

Колычев жаловался на свой проигрыш и несчастье в игре.

– Было время, когда вы били! Теперь – вас! Ха – ха – ха!

Закон возмездия!

– Но слишком жестоко, Владислав Казимирович! – ответил Колычев.

Наступило молчание. Вошел официант, что-то поставил, что-то принял.

– Больше тебя не нужно! – раздался голос того, кого Колычев называл Владиславом Казимировичем.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.